

Валерий Брюсов

Кризис парламентаризма

Валерий Яковлевич Брюсов

Кризис парламентаризма

«Было время, когда парламентаризм казался полным разрешением всех мучительных противоречий государственной жизни. В нем видели истинное примирение монархии и народовластия, идеал политического устройства, неизвестный Аристотелю и созданный новым миром. Западноевропейские государства, до самых маленьких и некультурных включительно, напереыв стали заводить у себя парламенты... Но время шло, и с каждым десятилетием всё ясней раскрывалась внутренняя противоречивость правления большинства. Позитивный принцип количества оказался несостоятельным в мистическом деле народного управления. За последние же годы недостатки парламентаризма выступили столь наглядно, что их уже перестают скрывать...»

Валерий Брюсов

Кризис парламентаризма

Было время, когда парламентаризм казался полным разрешением всех мучительных противоречий государственной жизни. В нем видели истинное примирение монархии и народовластия, идеал политического устройства, неизвестный Аристотелю и созданный новым миром. Западноевропейские государства, до самых маленьких и некультурных включительно, наперерыв стали заводить у себя парламенты... Но время шло, и с каждым десятилетием всё ясней раскрывалась внутренняя противоречивость правления большинства. Позитивный принцип количества оказался несостоятельным в мистическом деле народного управления. За последние же годы недостатки парламентаризма выступили столь наглядно, что их уже перестают скрывать.

Немецкий рейхстаг закончил 1902 год небывалой обструкционной борьбой. На очереди стоял таможенный тариф. Правительству удалось образовать для защиты своего проекта искусственное большинство. Но оставшиеся в меньшинстве социал-демократы и свободомыслящие открыли обструк-

цию. По каждому вопросу они вносили целые сотни поправок. Прения затягивались до бесконечности. При напряжённом настроении партий, дело доходило до сцен грубого насилия. Чтобы сломить обструкцию, большинство решилось изменить самый парламентский устав. Права президента были расширены, а свобода депутатов ограничена. Иначе сказать, парламент сам уменьшил свои привилегии. Обструкционисты и после этого продолжали бороться. Президент по ошибке дал слово некоему Антрику, оратору оппозиции, и Антрик говорил без перерыва восемь часов. Парламентское большинство, однако, не уступило и оставалось в рейхстаге, твёрдо решившись пересидеть оратора. Антрик принужден был уступить. Тариф прошёл.

В австрийском рейхсрате сцены обструкции разыгрались в начале этого, 1903 года. При возобновлении сессии, младочехи, руководители оппозиции, в виду серьёзности положения, соглашались приостановить обструкцию. Шли уже переговоры, как обойти 73 «неотложных предложения», внесённых младочехами в прошлую сессию в целях об-

струкции: взять ли их обратно, снять ли с очереди временно или внести новые предложения как «самые неотложные». В дело, однако, вмешались чешские радикалы. Это — ничтожная парламентская группа, не располагающая даже достаточным числом голосов, чтобы вносить самостоятельные предложения (требуется 20 подписей). Но в своё время им охотно давали свои подписи младочехи, и некоторые из 73 «неотложных предложений» оказались внесёнными от имени радикалов. Радикалы отказались взять их обратно. Рейхсрату пришлось заниматься совершенно пустыми вопросами, вроде того, именовать ли железнодорожные станции на двух языках или на одном. Ораторы произносили на эту тему многочасовые речи. И сами ораторы знали, что говорят пустяки, и слушающие их знали это, да, впрочем, их никто и не слушал, так как речи произносились по-чешски. Тем не менее время было занято. Большинство, чтобы сломить эту обструкцию, решилось прибегнуть к той же мере, как и немцы. Антисемиты внесли предложение почти тождественное с новым законом немецкого

рейхстага: о расширении прав президента и ограничении свободы слова депутатов. И, вероятно, это предложение прошло бы, если бы рабочие партии, испугавшись посягательства на привилегии парламента, не поддержали бы радикалов. Борьба ещё продолжается.

Во Франции обструкции нет, но только потому, что там парламентские деятели охотнее идут на компромиссы. Радикалы были страшно рассержены на своего недавнего вождя, Комба, за то, что он признал христианство хоть временно полезным. («Я считаю, – сказал Комб, – идеи, которые распространяет церковь, пока необходимыми»). Радикалы обвинили Комба в том, что он «предал большинство», но всё же продолжают поддерживать его, даже расходясь с ним в принципах, чтобы не уступить кормила власти противной партии.

Зато в Англии, в этой «классической стране парламентаризма», в последние месяцы, также проведён закон, ограничивающий свободу прений в палате общин. Закон, конечно, направлен против обструкции ирландцев.

Приходится считать обструкцию неизлечимой болезнью, если против неё приходится прибегать к таким крайним, безнадежным мерам. Парламент защищает свои права тем, что ограничивает свои права! Случайно сплотившееся большинство, пользуясь своей силой, – вовсе не из каких-либо общих соображений и исключительно, чтобы дать торжество единичному предложению, – изменяет самые формы парламентской деятельности. Это всё равно, как если бы монарх, чтобы оправдать свой поступок, издавал соответствующий закон. Что если следующие парламенты пойдут дальше по той же дороге? Новое случайное большинство, образованное другой группировкой партий, чтобы сломить другую обструкцию, ещё больше ограничит права своих противников и свои собственные. И так, уступка за уступкой, ограничение за ограничением, не дойдет ли парламент до того, что просто откажется от своих прав в пользу единоличной воли своего президента?

И что такое обструкция? С внешней стороны это злоупотребление формами парламен-

таризма. Это – декадентство в политике. Обструкция основывается на слове закона, забывая его смысл. Ораторам предоставлено право говорить, чтобы выразить свои мнения, – они говорят, чтобы занять время, говорят 8, 12, 20 часов. Партиям предоставлено право, в важных случаях, вносить неотложные предложения; оппозиция, опираясь на это право, превращает деловые заседания в пустую болтовню. Ораторам противной партии мешают говорить, стучат пюпитрами, кричат петухами. Торжествует тот, у кого крепче глотка. Это ли осуществление народовластия?

Но ещё бессмысленнее обструкция по существу. Парламентаризм – правление большинства. Воля большинства должна быть свята. Какое же право имеет оппозиция не подчиняться этой воле? Что такое обструкция, как не отречение от самого принципа парламентаризма? После того, как «таможенный тариф» был принят большинством рейхстага, все немецкие либеральные газеты кричали: «сила победила право!». Как так? Разве майоритет не право, и правление большинства – бесправие?

За деревьями не видно леса. Современная парламентская жизнь настолько занята своими закулисными хлопотами, группировкой партий, погоней за большинством во что бы то ни стало, что у неё не остаётся времени на настоящее дело. Парламентская деятельность становится сложной и хитрой наукой, особого рода азартной игрой, а первоначальное её назначение теряется среди тысячи формальностей и условностей. Удивительно ли, что в странах с парламентской формой правления образуется резкое разделение между народонаселением и слоем лиц, так или иначе причастных к власти. Последние постепенно замыкаются в отдельную касту, имеющую свои особые «нравы и обычаи», свою мораль и свою психологию.

Январь 1903